

ЎЗБЕКИСТОН ССР ФАНЛАР АКАДЕМИЯСИ
АКАДЕМИЯ НАУК УЗБЕКСКОЙ ССР

ЎЗБЕКИСТОНДА
ИЖТИМОЙ
ФАНЛАР

Журнал 1957 йилдан чиқа бошлаган

7

1976

ОБЩЕСТВЕННЫЕ
НАУКИ
В УЗБЕКИСТАНЕ

Журнал издается с 1957 года

Х съезд Советов Туркестана одобрил эти декреты и квалифицировал промышленную кооперацию как наиболее целесообразную форму организации кустарного производства.

Конкретные мероприятия по подъему промышленности ТАССР, в том числе кустарной, на основе нэпа были намечены VI съездом КПТ (август 1921 г.). Съезд отметил, что национализированная крупная промышленность должна оставаться основой народного хозяйства и при проведении новой хозяйственной политики. Вместе с тем съезд подчеркнул огромное значение кустарной промышленности в условиях нэпа в Узбекистане и признал промышленную кооперацию наиболее целесообразной формой организации кустарной промышленности.

Резолюция VI съезда КПТ по вопросу «Хозяйственная политика и кустарная промышленность» гласила: «Все органы Советской власти обязуются всемерно поощрять развитие промышленной кооперации и добровольное объединение мелкой промышленности... Необходимо в качестве первого практического шага в этом направлении приступить к созданию местных и всетуркестанских самостоятельных союзов промкооперации». В резолюции указывалось также, что новая экономическая политика должна помочь местным трудящимся перейти от отсталых форм хозяйственной жизни к более высоким. В частности, в промышленности должен всячески поощряться переход от цехового ремесла к артельной работе, а от кустарно-артельного производства — к фабрично-заводскому¹⁰.

Все это способствовало кооперированию кустарей и развитию промышленной кооперации. По данным ЦСНХ, в 1922 г. в Туркестанской республике насчитывалось уже 1331 артель, объединявшая 38 840 кустарей¹¹. Постепенно увеличивался объем производства в кустарных объединениях республики. Постановлением ЦИК Советов республики общее руководство промисловой кооперацией было возложено на ЦСНХ и его местные органы.

Промкооперация, объединенная Туркпромсоюзом, все успешнее справлялась с задачами развития кустарной промышленности, снабжения ее сырьем, организации быта кустарных изделий, улучшения бытовых условий кустарей. Партийные и советские органы, укрепляя промкооперацию, использовали ее для скорейшего восстановления крупной промышленности, общего подъема народного хозяйства. Успехи, достигнутые в социалистическом преобразовании мелкотоварного производства в ТАССР, после образования в 1925 г. Узбекской ССР были закреплены и приумножены на основе последовательного кооперирования мелкотоварного производства как составной организационной части строительства социализма.

С. Шакирова

¹⁰ Ш. Н. Ульмасбаев. Промышленное развитие Советского Узбекистана, Ташкент, 1958, стр. 71.

¹¹ ЦГА УзССР, ф. Р-17, оп. 1, д. 97, л. 73; д. 1140, л. 8.

К ИСТОРИИ СВЯЗЕЙ МЕЖДУ РОССИЕЙ И БУХАРОЙ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XVIII ВЕКА

В истории русско-бухарских экономических и политических отношений второй половины XVIII в. значительный интерес представляют посольства Ирнарзара Максютова в Россию. Состоявшиеся после значительного перерыва, они способствовали возобновлению дипломатических и дальнейшему развитию торговых связей между Бухарой и Россией.

Еще до выполнения дипломатических поручений И. Максютов неоднократно посещал Россию с торговыми целями. В последующем он дважды возглавлял бухарские посольства при русском дворе. В грамоте Абулгази-хана к Екатерине II говорится: «...Да будет вам известно, что мы ныне нам верноподданного муллу Мухаммад Ирнарзар-бня, который состоит в числе почтенных наших вельмож, по знанию его избрали, из его сверстников предпочтя, удостоили и определили к высочайшему вашему императорскому величеству двору в посольство великим послом»¹.

Архивные материалы свидетельствуют о том, что главной целью бухарского посольства, прибывшего в Москву в 1774 г., было развитие торговых связей. И в этом деле посольство добилось некоторых успехов. Вместе с тем посол просил возместить убытки, понесенные бухарскими купцами во время крестьянской войны Пугачева. На это, однако, русское правительство ответило отказом².

¹ Архив внешней политики России (АВПР), ф. Сношения России с Бухарой (СРБ), 1754, оп. 109/1, д. 1.

² Там же, 1779—1780, оп. 109/II, д. 2, л. 15.

В середине 1779 г. И. Максютов был вторично отправлен послом в Россию. Анализ архивных материалов этого посольства и посвящена данная статья.

Как видно из документов, по прибытии в Оренбург Ирназар-бий, по заведенному порядку, был принят генерал-губернатором и чиновниками пограничной комиссии, которые находились в ведении коллегии иностранных дел. О приеме бухарского посольства было доложено в столицу.

Ввиду заинтересованности русского правительства в среднеазиатских делах, послу было вскоре разрешено следовать в Петербург с находившимися при нем сыном и свитой из 28 человек. Генерал-губернатору было дано предписание, «чтобы он его снабдил как потребными для дороги повозками, так и лошадьми и кормовыми деньгами, отправя для препровождения его нарочного офицера и оставляя в собственное его благоизобретение, с собой ли он поведет находящихся при нем для императорского двора лошадей, а именно восемь арабских аргамаков, или же пожелает, чтобы особливое им отправление учинено было»³.

Государственной коллегии иностранных дел было доложено, что «бухарский посланец Ирназар Максютов со своею свитой, выехав из Оренбурга в начале декабря месяца, в здешнюю столицу (т. е. Москву) сего 24 числа по утру прибыл. Быть намерен здесь не более два или три дня, и то для перемены одних и починки других своих повозок»⁴.

В начале января 1780 г. посольство прибыло в Петербург, где его разместили в специально отведенной квартире. На содержание миссии коллегия выделила соответствующие средства.

Первый официальный визит И. Максютов нанес 27 марта 1780 г. канцлеру Н. И. Панину. Посольский кортеж из трех экипажей был встречен ассессором Греном, и члены посольства представлены различным чинам коллегии иностранных дел. Затем посол и сопровождающие лица были допущены к канцлеру.

После вручения грамот и деловой беседы «посланец просил его сиятельство о представлении его пред ея императорское величество, а потом, по нескольких других разговоров и будучи потчиван кофеим и конфектами, откланялся и возвратился в свою квартиру»⁵.

Вскоре просьба посла была удовлетворена. «5 апреля, в день воскресный, представлен был сей посланец пред ея императорское величество и пред их императорские высочества. Он учинил ея императорскому величеству низкий поклон со всеми своими чиновниками и допущен был с ними к руке, а потом допущен был пред их императорские высочества»⁶.

Подробного перечня подарков, привезенных Ирназаром к русскому двору, не имеется. Но в материалах посольства говорится: «Подарки, привезенные им от хана, за день до представления его были отосланы во дворец и там приняты. Лошади же с дорожным приставом были отправлены на конюшенный двор. Большие же вещи, как-то: ремень, чепучинный корень и лапись лазурь, приняты в коллегии»⁷.

Несомненно, самое важное в материалах посольства — это тексты грамот, раскрывающие цели и задачи миссии.

В грамоте Абулгази-хана к Екатерине II после обширного вступления приносятся благодарности императрице за подарки: «...Украшенную бриллиантами саблю и осыпанный бриллиантами же наперник я чрез посла Ирназар бия получить удостоился»⁸. Затем сообщается, что из Турции получена грамота и с этой страной решено установить дружеские связи. В заключении хан просит возместить убытки бухарским купцам, ограбленным в «смутное время». Заканчивается грамота следующими словами: «В прочем, как вышеупомянутый посол станет изустно доносить о моих препорученных ему комиссиях, то благоволите, ваше императорское величество, во всем том ему верить»⁹.

Как известно, Абулгази-хан был лишь подставным лицом, от имени которого внешнюю политику Бухары проводил атаклы Даниял-бий. В грамоте Панину от подлинного правителя ханства канцлер извещается о том, что «от его величества, покровителя веры, государя двух морей и служителя священных храмов (т. е. турецкого султана) получено приятельское письмо, и потому ради восстановления давних дружеских связей решено верного мулла Мухаммад Ирназар-бия к двум монархам отправить великим послом. Во-первых, к всеагустейшей государыне вашей, во-вторых, к нынешнему калифу в Константинополь»¹⁰.

В грамоте атаклы также содержится просьба о возмещении убытков бухарским купцам. Кроме того, атаклы просил присылать в Бухару медь. А в заключение гозо-

³ АВПР, ф. СРБ, 1779—1780, оп. 109/II, д. 1, л. 1.

⁴ Там же, л. 13.

⁵ Там же, д. 2, л. 3—4.

⁶ Там же, л. 5—6.

⁷ Там же, л. 7.

⁸ Там же, л. 16.

⁹ Там же, л. 19.

¹⁰ Там же, л. 28.

рилось: «...Прошу ваше сиятельство отправить с ним (т. е. Ирназар-бием) для провождения его и честного в пути порядка верного и надежного человека до самых турецких границ, чем обяжете меня».

Изучение архивных материалов показывает, что посольство И. Максютова было встречено и содержалось в России с уважением и вниманием, и при отъезде посла в Турцию были выполнены все просьбы Даниял-бия¹¹.

В исторической литературе принято считать, что посольские связи среднеазиатских ханств, в частности Бухарского, с Россией служили исключительно развитию торговли между этими государствами. Безусловно, развитие торговли было главным мотивом русско-бухарских отношений. Но не единственным. И в этом плане характерно второе посольство Ирназара Максютова, которое формально не имело никаких предложений или просьб к русскому правительству об организации торговли. Вряд ли правители Бухары стали бы отправлять посольство только для решения вопроса об удовлетворении претензий купцов, ограбленных в «смутные времена», и о проезде бухарцев в Мекку. Тем более, что по первому пункту еще в 1774 г. бухарское посольство получило ясный отрицательный ответ.

Таким образом, можно полагать, что главной целью специального посольства было извещение царского правительства о желании Бухары упрочить дружественные связи с Турцией. В Бухаре знали, что Россия в недавнем прошлом находилась в состоянии войны с Османской империей, а в описываемое время у них мог возникнуть новый военный конфликт.

Даниял-бий, несомненно, понимал, что его намерение идет вразрез с интересами России. Ясно было и то, что правительство Екатерины II в случае возможной войны с Портой не хотело бы иметь врагом также Бухарское ханство. Возможно, что этим сообщением Бухара надеялась получить какие-либо экономические или политические выгоды.

Все эти вопросы не могли не интересовать правительство России, и в 1780 г. в Бухару был отправлен переводчик Бекчурин. Наряду с выяснением возможностей расширения русско-бухарской торговли, он должен был собрать различные сведения разведывательного характера. В частности, о бухарском после он сообщил следующее: «3, 4 января Мендияр Бекчурин всячески старался испытать о причине отправления Ирназара Максютова через Российской границы в Царьград, и для чего прямым от себя через Персию трактом его не отправили. К счастью его, нашел случай познакомиться с Ирназаровым зятем Ходжою, который человек благосклонный сделался ему откровенным, между разговорами объявил, что Ирназар поехал к Турецкому двору под видом богомолья, а в самом деле побудило следующее: из числа бухарских жителей один нашел случай пробраться в Царьград на богомолье и там призван был к Турецкому двору для отобрания известия о состоянии Бухары, и как все их пребывание пересказал, то назад тому два года сей бухарец прислан был от Турецкого двора с одним армянином к бухарскому их хану с письмами такими, чтобы прислать туда для некоторых ему, Ходже, неизвестных советов означенного Ирназара, с которым де турецкий посланник в бытность по замирении турок с Россией в Москве виделся, почему он туда и отправлен»¹².

Все это указывает на особую важность второй миссии Ирназара Максютова. Изучение связанных с нею документов проливает дополнительный свет на состояние русско-бухарских связей в конце XVIII в. и отношений этих стран с Турцией. Указанные архивные материалы представляют интерес и вообще для изучения истории дипломатии России и среднеазиатских ханств рассматриваемого периода.

Х. Г. Гулямов

¹¹ АВГР, ф. СРБ, 1779—1780, оп. 109/II, д. 1, л. 14—16.

¹² Там же, 1781, оп. 109/II, д. 10, л. 20.

ПРОШЛОЕ САМАРКАНДСКОГО ДАРГОМА¹

«Река Даргом, которая течет в Судах (=Согде)...»

Бундехеш

Толчок к постановке этого вопроса в печати последний раз был дан организацией дорожного строительства, установившей на автотранспортном пути Самарканд—

¹ Приношу искреннюю благодарность за консультации П. Г. Булгакову, указавшему, в частности, что в словаре «Камусал-мухит», составленном в Египте в середине XIV в. арабским лексикографом ал-Фирузабади, *الوادی* означает долину реки, речное русло, иногда расселину между горами или холмами; *النهر* — река, проток или течение воды; слово «канал» передается обычным термином *القناه*.

ЎЗБЕКИСТОН ССР ФАНЛАР АКАДЕМИЯСИ
АКАДЕМИЯ НАУК УЗБЕКСКОЙ ССР

ЎЗБЕКИСТОНДА
ИЖТИМОЙ
ФАНЛАР

Журнал 1957 йилдан чиқа бошлаган

1984

5

ОБЩЕСТВЕННЫЕ
НАУКИ
В УЗБЕКИСТАНЕ

Журнал издается с 1957 года

Если отец по той или иной причине выделял из общего хозяйства одного из сыновей, то скот он распределял по собственному усмотрению. Обычно, если все обходилось мирно, отец давал сыну 4—5 баранов, но мог вообще ничего не дать, и сын не имел права жаловаться на отца даже асакалам.

В сел. Ходжахайран (Ульяновский район Кашкадарьинской области) в 1914 г. в большой семье Халмирзабува проживали четверо сыновей: Насрулла, Назрулла, Араббай и Чари. Халмирзабуви посоветовавшись со старейшинами своего топа, решил разделить семью. Насрулле, Назрулле и Араббаю он выделил некоторое количество скота и инвентаря, а сам остался жить с младшим сыном Чари.

В случае смерти главы семьи мать-вдова могла по своему желанию присоединиться к любому сыну; как правило, она оставалась с младшим. Таким образом, младший сын был основным наследником отца, и вся утварь как олицетворенне домашнего очага доставалась ему, остальные сыновья не могли претендовать на какие-либо предметы домашней утвари.

Выделившиеся из больших семей жили и вели хозяйство раздельно, но поддерживали между собой самые тесные контакты, помогая друг другу, совместно участвуя в отправлении различных обрядов, традиций и др. Например, тело умершей женщины, отданной замуж в чужую семью, перевозили на то кладбище, где была похоронена ее мать. Так, кладбищем, на котором хоронили членов семьи Джура-бува, из кишлака Катаган (Касанский район), было «аулия», или Тура мачит-бува. Женщин из семьи Джура-бува хоронили только на этом кладбище, а женщин, взятых из чужих семейств, как правило, хоронили на «аулия» их матерей. В Тура мачит-бува мы видели места и границы захоронения отдельных групп родственных семей.

После смерти Джура-бува семью возглавил младший сын Байназар. Все семейные доходы поступали к нему. Злоупотребляя своими функциями, он не давал пользоваться ими другим членам семьи, а в конце концов ушел в Мекку, забрав с собой «семейную кассу». В результате большая семья постепенно распалась, разделившись на несколько малосемейных очагов.

Процесс разложения большой семьи стал особенно интенсивным с проникновением и развитием среди сельского населения изучаемого региона товарно-денежных отношений, формированием частной собственности⁸. Проникновение капитализма в экономику колониальной Средней Азии вело к разложению натурального хозяйства, разрушению патриархальной замкнутости. Как отмечал К. Маркс, капиталистические отношения разрушили вместе с феодальным базисом и его старые семейные отношения — патриархальную семью⁹. В. И. Ленин на конкретных примерах убедительно показал, как российский капитализм втягивал окраины страны в мировое товарное обращение, инвентаризовал местные особенности — остатки старинной патриархальной замкнутости¹⁰.

Все это наглядно видно на материалах изучаемого региона. Правда, вследствие изолированности степных районов от внешнего мира и общей социально-экономической отсталости Бухарского ханства процесс разложения большой семьи в исследуемом регионе шел гораздо медленнее, чем в других районах Узбекистана. Но и здесь постепенно происходило изживание большесемейных общин.

Процесс этот завершился после победы Великого Октября, когда в условиях социалистического строительства патриархальные традиции стали интенсивно уходить в прошлое, и в качестве основной формы узбекской семьи прочно утвердилась малая индивидуальная семья, типичная для всех народов СССР.

А. Буриев

⁸ См.: Кисляков Н. А. Очерки по истории семьи и брака у народов Средней Азии и Казахстана. Л., 1969, с. 46.

⁹ Маркс К. Капитал. Т. I. М., 1975, с. 500—501.

¹⁰ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 3, с. 594—595.

К ИСТОРИИ РУССКО-БУХАРСКИХ ДИПЛОМАТИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ

(Первое посольство Ирназара Максютובה в Россию)

В истории русско-бухарских экономических и политических отношений второй половины XVIII в. особый интерес вызывают посольства Ирназара Максютובה в Россию. Это обусловлено прежде всего тем, что они способствовали возобновлению после значительного перерыва дипломатических отношений, дальнейшему развитию торговых связей между обеими странами. Вызывает интерес и личность самого посла, который, будучи образованным и умным человеком, проявил себя активным сторонником сближения Бухары с ее могучим северным соседом.

Достоверно известно, что до выполнения дипломатических поручений муллы П. Максютובה неоднократно посещал Россию с торговыми целями и оказывал различные услуги императорскому двору.

Первые сведения о его посольстве содержатся в донесении астраханского губернатора П. И. Кречетникова в коллегии иностранных дел. Губернатор писал, что получил из Мангышлака от муллы И. Максютובה письмо от 15 июля 1774 г., которым тот извещал, что направляется во главе бухарского посольства в Россию и просил выслать для него судно.

Посольство прибыло в Астрахань 1 сентября. В грамоте, обращенной к представителям русского правительства, говорилось, что бухарский подданный И. Максютов направляется в Россию послом «для пользы и установления купеческих проездов между двух областей, великороссийскою и нашею»¹, и содержалась просьба оказывать ему всяческое содействие.

9 сентября Максютов был вызван к губернатору для выяснения целей его посольства. Посол разъяснил, что «отправление его к высочайшему двору состоит в утверждении с обеих сторон доброго дружества и для распространения купечества». Максютов имел также дополнительные поручения, «которые поручено ему, мулле, при высочайшем дворе словесно донести и о чем он преждевременно открыть не может»². В связи с важностью своей миссии бухарский посол просил губернатора быстрее отправить его в Петербург.

Здесь же посол представил властям список прибывших с ним лиц и реестр подарков к императорскому двору. Из этих документов видно, что в составе посольства было 64 человека, не считая 20 выкупленных русских пленных. Кроме многочисленных подарков, посол привез в Россию различные восточные товары общим весом более 40 т.

В Астрахани Максютов вел и торговые дела; так, он купил у казны 708 пудов стали и свинца и отправил их со своими людьми в Бухару.

В рескрипте на представление астраханского генерал-губернатора от 30 октября 1774 г. было указано, чтобы «посол отправлен был с пристойным по прежним примерам снабжением в рассуждении подвод и кормовых денег»³. При этом Екатерина II именным указом повелела «пропустить сего бухарца, не брать с него пошлин»⁴. Выхав из Астрахани в сопровождении конвоя местного гарнизона под командованием дорожных приставов капитана Павлова и поручика Щедякова, бухарское посольство достигло Москвы 14 марта 1775 г., где было принято с почетом и уважением.

Бухарский посланник был уведомлен коллегией иностранных дел, что вскоре будет принят канцлером Н. И. Паниным. Прием состоялся 27 марта 1775 г. в доме канцлера.

Посол «по учинении пристойного поклона подал его сиятельству присланные с ним от хана своего грамоты»⁵. Во время приема он «во-перед просил о представлении сго, посланца, перед ее императорское величество, а потом вел другие разговоры и будучи с сыном и чиновниками своими потчеван кофеем и конфетами, откланялся и возвратился в свою квартиру вышеописанным же порядком»⁶.

5 апреля просьба И. Максютова была удовлетворена, и он был представлен Екатерине II, наследнику Павлу и великой княгине.

Посол передал русскому правительству две грамоты бухарского хана Абдулгази. В первой из них, после обычного перечисления титулов Екатерины II, бухарский хан выражал стремление развивать и далее взаимовыгодные торговые связи с Россией. Затем он сообщал императрице о разграблении бухарских караванов под Оренбургом казахами, присоединившимися к восстанию Е. Пугачева, и просил ее об удовлетворении бухарских купцов — «необходимым находим представить о возвращении похищенного теми казахами имущества кому оно принадлежит»⁷, — писал хан.

Далее хан рекомендует императрице бухарского посла И. Максютова как своего доверенного вельможу и просит верить его устным заявлениям и предложениям: «О чем по взеренной от нас комиссии словесно предлагать будет, в том ему благоволено было бы верить»⁸.

Что касается устных предложений, то они заключались в следующем. Посол просил удовлетворить просьбу бухарских подданных, живших в Оренбурге. Отметив важное значение торговли во взаимоотношениях между Бухарой и Россией, он предложил русскому правительству осуществить ряд мер для ее укрепления и развития. Так, он говорил о необходимости обезопасить пути в Оренбург и на полуостров Мангышлак от нападений казахов Нурали-хана и туркмен Пирали-султана. С этой целью посол указал на желательность постройки русской крепости на р. Эмбе, где могли бы в случае опасности укрываться торговые караваны.

Наконец, бухарский посланник просил уменьшить торговые пошлины в приграничных городах России — Оренбурге, Астрахани и др.

Таким образом, цели этого посольства были гораздо шире, чем указано в известной работе С. В. Жуковского⁹.

Во второй грамоте бухарский хан поздравил наследника Павла с бракосочетанием¹⁰.

¹ АВПР, ф. Сношения России с Бухарой, 1774—1777, оп. 109/II, д. 1, л. 23.

² Там же, л. 19.

³ Там же, д. 2, л. 54.

⁴ Там же, д. 1, л. 79.

⁵ Там же, д. 2, л. 40 об.

⁶ Там же, д. 1, л. 41.

⁷ Там же, д. 2, л. 31.

⁸ Там же, л. 32.

⁹ Жуковский С. В. Сношения России с Бухарой и Хивой за последнее трехсотлетие. — Труды Общества русских ориенталистов, № 2, Пг., 1915, с. 88.

¹⁰ АВПР, ф. Сношения России с Бухарой, 1774—1777, оп. 109/II, д. 2, л. 23—24.

Надо сказать, что во время встреч с государственными деятелями России И. Максютов произвел на них весьма благоприятное впечатление своим умом и сдержанностью¹¹.

Предложения И. Максютова, в сущности нацеленные на укрепление позиций России в казахских жузах, настолько заинтересовали русское правительство, что оно сочло необходимым специально рассмотреть их на одном из заседаний императорского совета¹².

Последний официальный визит И. Максютова к канцлеру Н. И. Панину состоялся 15 января 1776 г. Ему были вручены императорская грамота бухарскому хану, письмо канцлера Панина на имя хана, содержащее ответы русского правительства на предложения и просьбы посольства, а также подарки хану и самому послу.

Грамота заверяла бухарского хана в дружественном отношении России к Бухаре, причем отмечалось, что И. Максютов не только имел свободный доступ к императорскому двору, но и «листы ваши и собственно поданные им прошения удостоились монаршего внимания»¹³.

Подробный ответ на предложения Бухары содержался в письме канцлера, в котором давалось согласие на положительное решение почти всех вопросов, выдвинутых в грамотах и просьбах бухарского хана и направленных на улучшение торгово-экономических связей России и Бухарского ханства.

Русское правительство высоко оценило услуги бухарского посла. Кроме многочисленных подарков, ему был пожалован «один казенный корабль из находящихся на Каспийском море для распространения торговли в границах Всероссийской империи и дозволялось ему там же торговать на 10 тысяч рублей беспошлинно в течение пятилетнего времени»¹⁴.

Екатерина II пожаловала послу большую сумму денег для строительства медресе в Бухаре. Известно как медресе Ирназара Максютова, или медресе посла, оно сохранилось до наших дней¹⁵.

Таким образом, цели посольства И. Максютова нельзя сводить лишь к удовлетворению просьб ограбленных бухарских купцов, как это сделано было в работах Жуковского¹⁶ и Яковлева¹⁷. Более того, это посольство, преследовавшее, казалось бы, чисто торговые цели, имело важное политическое значение во взаимоотношениях между Россией и Бухарой. Последняя впервые признавала юрисдикцию русского правительства над казахскими жузами: «Казахи из числа подданных вашего высочайшего двора», — писал Екатерине II бухарский хан¹⁸.

Посольство Ирназара Максютова, осуществленное после длительного перерыва в дипломатических отношениях между Бухарой и Россией, можно считать весьма успешным, ибо оно сыграло полезную роль в укреплении доверия между обоими государствами и продемонстрировало их обоюдное стремление к развитию взаимовыгодных экономических и политических связей.

Х. Г. Гуламов

¹¹ Там же, д. 1, л. 40.

¹² Там же, д. 4, л. 57—58.

¹³ Там же, д. 2, л. 36.

¹⁴ Там же, д. 3, л. 132—133.

¹⁵ История Бухары с древнейших времен до наших дней. Ташкент, 1976, с. 151.

¹⁶ Жуковский С. В. Указ. соч., с. 88—89.

¹⁷ Яковлев. Мулла Ирназар Максютов, посланник бухарский. — Сибирский вестник, 1824, ч. 1, с. 7.

¹⁸ АВПр. ф. Сношения России с Бухарой, 1774—1777, оп. 109/11, д. 2, л. 31.

НОВОЕ В НАУКЕ: ПОИСКИ, ОТКРЫТИЯ, НАХОДКИ

УНИКАЛЬНАЯ ЧАША ИЗ ШУРОБ-КУРГАНА

В Сурхандарьинской области УзССР, близ кишлака Шуроб-Курган, есть остатки небольшого средневекового населенного пункта. Здесь в 1983 г. во время земляных работ, связанных с ирригационным строительством, были извлечены черепки средневековой посуды, в том числе интересной чаши с росписью на внутренней поверхности. Она была передана сотрудникам Узбекстанской искусствоведческой экспедиции, уже третий год ведущим раскопки на расположенном в 3 км от Шуроб-Кургана кушанском городище Кампыртепа.

Чашу удалось собрать почти полностью. Форма ее округлая внизу и плавнотпрямляющаяся кверху (диаметр — 20,8 см, высота — 8,3 см). Имеется невысокий плоский поддон (д=10,4 см, вдвое меньше диаметра резервуара). Черепок светложелтый, покрыт белым ангобом, поверх которого всплошную внутри и лишь по борту снаружи нанесена мутноватая щелочная глазурь. Снаружи вдоль борта следуют выполненные лиловато-черной краской косые штрихи; внутри вся поверхность заполнена росписью.

Контуры изображений и орнаментов, а также некоторые образительные детали выполнены лиловато-черной краской, расцветка осуществлена желтой и зеленой, при участии светлых резервов неокрашенного фона. По краю следует круговое окаймление с шилообразным орнаментом и в этот круг на фоне косой сетки квад-

ЎЗБЕКИСТОН ССР ФАНЛАР АКАДЕМИЯСИ
АКАДЕМИЯ НАУК УЗБЕКСКОЙ ССР

ЎЗБЕКИСТОНДА
ИЖТИМОЙ
ФАНЛАР

Журнал 1957 йилдан чиқа бошлаган

1989

3

ОБЩЕСТВЕННЫЕ
НАУКИ
В УЗБЕКИСТАНЕ

Журнал издается с 1957 года

и тонкой талии¹⁰. В некоторых случаях, как и в нашей фигурке, реализм в передаче тела сопровождается схематизмом в трактовке рук¹¹.

Для маргианской иконографии нагой богини характерны более точное соблюдение пропорций, подчеркнутая беременность, правая рука поддерживает грудь, в левой — зеркало¹².

Из этого краткого обзора основных черт канонов различных регионов Средней Азии можно сделать вывод об отсутствии явного влияния их на иконографию нашей фигурки. Возможно, это свидетельство своеобразия иконографии Нахшеба, ее более длительного следования эллинистическим образцам, чем в иконографии соседних областей.

Большинство исследователей считают терракоты с изображением нагой богини наиболее ранними, отмечая, что на рубеже I в. н. э. они вытесняются изображениями богинь в одеждах, вначале драпирующихся, а затем местных типов¹³.

Однако находка фигурки нагой богини на городище Еркурган в слое, датированном керамическим материалом III—IV вв. в. э., видимо, свидетельствует о бытовании этого образа в коропластике Нахшеба в данное время и сохранении им определенной семантической нагрузки при сосуществовании с другими иконографическими образами.

С. Н. Воробьева

¹⁰ Пугаченкова Г. А. Халчаян. Ташкент, 1966. С. 216, 219. Рис. 101, 103—1; Ее же. Новые данные о художественной культуре Бактрии//Из истории античной культуры Узбекистана. Ташкент, 1973. С. 105. Рис. 20; Литвинский Б. А., Седов А. В. Тепан-Шах. М., 1983. С. 146. Табл. IV—1.

¹¹ Альбаум Л. И. Балалык-тепе. Ташкент, 1960. С. 29—32. Рис. 17; Пугаченкова Г. А. Халчаян. С. 216. Рис. 101.

¹² Пугаченкова Г. А. Коропластика древнего Мерва. С. 124; Ремпель Л. И. Терракоты Мерва и глиняные статуи Нисы//Труды ЮТАКЭ. Т. I. Ашхабад, 1949. С. 335.

¹³ Мешкерис В. А. Коропластика Согда. С. 15; Пугаченкова Г. А. Искусство Бактрии эпохи Кушан. С. 157—158; Абдуллаев К. Коропластика Бактрии — Тохаристана... С. 12; Пугаченкова Г. А. Материалы по коропластике Бактрии — Тохаристана//Эллинистический Ближний Восток, Византия и Иран. М., 1967. С. 181.

ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ

«РУЗНАМА-ИИ САФАР-И ФИТИРБУРХ» КАК ИСТОЧНИК ДЛЯ ИЗУЧЕНИЯ РУССКО-БУХАРСКИХ ОТНОШЕНИЙ КОНЦА XIX ВЕКА

В собрании Института востоковедения АН УзССР под инв. № 2869 хранится рукописное сочинение под названием «Рузнама-йи сафар-и Фитирбурх» («Дневник путешествия в Петербург»), представляющее собой описание поездки бухарского посольства в Петербург в 1892 г. Выполнено оно на таджикско-персидском языке, на русской фабричной бумаге, красивым насталиком; 72 л., 21,5×35 см. Автор сочинения — эмир 'Абд ал-Ахад (1885—1910). Научное описание сочинения, сделанное А. Б. Вильдановой, помещено в СВР АН УзССР¹. В отличие от других сочинений периода присоединения Средней Азии к России², здесь подробно излагается поездка в Петербург бухарского посольства, которое возглавлял эмир 'Абд ал-Ахад.

Сочинение составлено в форме дневника. События описываются по дням недели, указываются часы приезда в назначенный пункт и отъезда, отмечаются встречи, отдых, завтрак, обед, посещение достопримечательностей и т. д. События передаются в форме «мы»: «мы поехали», «мы встречались» и т. п. О целях поездки в сочинении не говорится, но из содержания его видно, что главной целью было представить Саййид Мир Алима (1911—1920) русскому императору в качестве наследника бухарского престола и оставить его в Петербурге для получения образования в одном из высших учебных заведений. На этот счет в сочинении есть следующие слова: «[Великий император] по нашему желанию, признавая свет очей, Саййид Мир Алима наследником бухарского престола, обрадовал нас» (л. 45а).

¹ См.: Собрание восточных рукописей Академии наук Узбекской ССР. Т. IX. Ташкент, 1971. С. 32.

² Отдельные моменты поездки бухарской дипломатической миссии в Петербург освещены в трудах: «Рисала ё мухтасаре аз тарихи салтанат-и ханадан-и мангитийа» («Краткая история мангитских эмиров») Ахмада Даниша (1827—1897), «Тухфа-ни шахи» («Шахский подарок») Мирза 'Абд ал-Азима Сами (прибл. 1833—1907), «Тарих-и Салими» («История Салима») Мирза Салим-бека (1850/51—1930).

Поездка бухарского посольства в Петербург была совершена в месяце джумада ал-аввал 1310 г. х. (сентябрь 1892 г.). Часть сочинения посвящена путевой информации, встречам посольства русскими чиновниками на закоопийских железнодорожных станциях, а также в городах Баку и Тифлис (Тбилиси). Указываются время и события, происходившие в период пребывания посольства на отдельных станциях.

По изложению событий сочинение можно условно разделить на четыре части: 1) Бухарская, 2) Закаспийская, 3) Кавказская, 4) Российская.

Бухарская часть. Здесь встречаются небезытересные сведения о церемонии проводов посольства в Петербург. Повествование начинается с того, что пишущие постановление (фатва нависан), военачальники (саркардаган) в Высочайшем арке благословляют посольство; затем описываются проводы посольства до Каршинских ворот. В составе провожавших упомянуты, в частности, влиятельные бухарские чиновники и представитель России в Бухаре³. Далее описываются встречи посольства местными властями на ст. Каракуль, в Фарабе, проезд через Амударью⁴, пребывание посольства в Чарджуе (Чарджу) и др. При этом подробно говорится о церемониале встречи бухарского посольства представителями царской администрации. Так, во встрече посольства в Чарджуе принимал участие генерал-губернатор Туркестана А. Б. Вревский (1889—1898) в сопровождении офицеров и двух военных батальонов. От вокзала до резиденции был выставлен почетный караул. В Чарджуе посольство пять раз встретило с представителями военно-административных властей царской России. При этом был обсужден ряд вопросов. Автор описывает Чарджуйский арк, где посольство провело много времени; сад Ходжа Машхар, служивший резиденцией посольства в Чарджуе; культовые места, как мазар Файз ан-Нар, куда посольство совершило паломничество (л. 3а—4б).

Закаспийская часть. Здесь упомянут ряд станций Закаспийской железной дороги: Баг-и Али, Караул-и кудук, Рафтак, Саки, Уч-хаджи, Байрам-Али, Гулчи, Курбан калъа, Мерв, Карабана, Турт караул, Таки, Душах, Арман, Кука, Кушт, Артик, Баба турмас, Аксу, Курс, Базман, Куяк-тепа, Кел-ата, Бахардин, Арджаман, Ими, Каташ, Ушак, Узун-су, Карақчин, Ахча, Якка ашим, Кара булак, Узун-атар. Например, о ст. Байрам-Али говорится, что она благоустроенная и освещенная; ст. Мерв характеризуется как лучшая станция дороги.

В Асхабаде (Ишкабад) посольство с большой пышностью было встречено губернатором города генерал-лейтенантом Каратегином в сопровождении 60 военных. В его честь был устроен парад. После ст. Узун-атар посольство добралось до Каспийского моря и пересело на пароход.

Кавказская часть. Автор вкратце описывает поездку посольства на пароходе по Каспию и пребывание его в Баку, где оно было торжественно встречено местными властями.

Обстоятельно освещается пребывание посольства в Тифлисе, который описывается автором как красивый и чистый город; дается высокая оценка его постройкам, базарам. Там посольство посещает музеи, цирк, зоопарк, семинарию, где обучались иранские дети. Особо отмечены занятия в школах, проводимые в отдельных классах, в зависимости от возраста учащихся. В Тифлисе состоялось 7 официальных встреч бухарского посольства с генерал-губернатором города и другими чиновными лицами⁵.

Как известно в 1867—1883 гг. была построена Закавказская железная дорога, соединившая Тифлис с городами Баку и Батуми. В сочинении упомянут ряд станций, расположенных между Баку и Тифлисом: Думин, Балатукев, Сан-жу, Алат, Хаджи-кабул, Кара-су, Шинам-хал, Заким, Дунис, Ак-сафар, Сабу-сулач, Кара-бази и др. Сочинение содержит также сведения о горных кавказских дорогах, по которым бухарское посольство в сопровождении караула ехало верхом в направлении России. Из Владикавказа⁶ посольство берет курс на Москву.

Российская часть. Данная часть источника изобилует русскими и иностранными словами. Упомянуты также имена ряда бухарских и ташкентских купцов, находившихся тогда в России по торговым делам.

В Москве бухарское посольство было несколько раз принято генерал-губернатором. Автор вкратце описывает Кремлевский дворец с некоторыми помещениями военно-административного назначения. Отмечается, что весь состав посольства был сфотографирован в Кремле, а Саййид Мир Алим и Астанакул парваначи были засняты на автомобиле. Автор подчеркивает, что наследнику бухарского престола были оказаны большие почести.

Определенное место отведено описанию русской бани, чистота которой понравилась посольству. Посольство посетило также фабрику по изготовлению отличной парчи. Автор отмечает, что эскизы отдельных нарядов из Бухары отправляли на эту фабрику, откуда получали затем готовые изделия. В сочинении говорится и о культурном отдыхе посольства, например, о посещении театров, концертов; особо упомянуто конное состязание, проходившее на ипподроме (л. 17а—23б).

³ Имя его не указано. Видимо, речь идет о политическом агенте России в Бухаре П. М. Лессаре.

⁴ В тексте — Джайхун.

⁵ Основан в 1784 г. как крепость, в 1860 г. стал самостоятельным городом; с 1931 г. — г. Орджоникидзе.

Автор подробно останавливается на петербургском периоде поездки бухарского посольства, отмечает Невский проспект, просторные, чистые улицы Петербурга. Далее дается описание приема посольства в Министерстве иностранных дел, у императора Александра III (1881—1894)⁶, военного министра и др. Отмечается, что на спектаклях в театрах, где побывали члены посольства, присутствовали и женщины (л. 176—306).

Обстоятельно перечислены подарки посольства императору и высшим сановникам. При этом приводятся интересные сведения, о видах бухарских орденов и медалей, как бриллиантовая медаль, золотой орден с алмазами (мурасса), золотая медаль I, II, III степеней, серебряная медаль и т. п.

Особо отмечена развитость в России телеграфной связи.

В тексте употреблено много русских и иностранных слов (вагон, визит, военный, вокзал, генерал, генерал-губернатор, генерал-майор, император, коллежский советник, корпус, пароход, полк, полковник, станция, телеграф и др.), что свидетельствует о вхождении их в лексику таджикского языка конца XIX в.

Все это говорит о том, что данное сочинение занимает заметное место в бухарской историографии конца XIX в. и может послужить важным источником по изучению истории русско-бухарских отношений того времени, а отчасти — и по истории Бухары периода правления эмира 'Абд ал-Ахада.

Х. Тураев

⁶ В тексте — Михаил Александрович.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

В. С. СЕМЕНОВ. ДИАЛЕКТИКА РАЗВИТИЯ СОЦИАЛИЗМА

(М.: Мысль, 1987. 432 с.)

Ныне, в условиях перестройки, перед учеными-обществоведами страны поставлена весьма ответственная задача выработки научно обоснованной и перспективной концепции социализма, без которой невозможно дальнейшее движение его вперед.

Большой вклад в разработку этой концепции вносит предлагаемая вниманию читателя книга В. С. Семенова, написанная на основе глубокого анализа трудов классиков марксизма-ленинизма, в частности В. И. Ленина, практики строительства социализма в СССР, тщательного изучения и учета многогранного опыта социалистического строительства в других странах.

Автор, подчеркивая преимущества социалистической общественной системы, в то же время на конкретном материале рассматривает истоки негативных тенденций, остро проявившихся в 70—80-е годы, анализирует современную ситуацию в стране, выдвигает новые подходы, требующие обновления и перестройки всех сфер жизни общества.

Автор посвятил отдельную главу вопросу диалектики идеала и действительности, теории и практики социализма, где раскрывает революционную роль теории социалистического строительства.

Интересны теоретические постановки, касающиеся основных принципов и черт ленинской теории строительства социализма. Много внимания уделено в книге проблеме народовластия, расширения демократии, самоуправления трудящихся при социализме, роли Советов как самых массовых органов власти трудящихся, всего народа. Глубоко и всесторонне рассматривается ленинская теория организации и управления строительством социализма.

Диалектическое единство общего и особенного, а в более широком плане — общего, особенного (частного) и отдельного (единичного) — первейшее условие успешного строительства социалистического общества. Исходя из этого, автор обстоятельно и аргументированно раскрывает негативные тенденции и явления в развитии советского общества периода культа личности и застойных лет.

Особое место в книге уделено противоречиям как внутреннему источнику общественного развития и их проявлению в период строительства социализма.

Автор дает типологию, классификацию противоречий и ступеней их развития, раскрывает соотношение проявляющихся в общественном развитии противоречий, проблем, трудностей, недостатков, ошибок.

По мнению автора, важное значение имеет создание своеобразного механизма «гарантий» своевременного и полного разрешения возникающих противоречий (с. 280).

Отдельная (8-я) глава посвящена движущим силам развития социалистического общества, а затем, в главе 9-й, дается характеристика развития советского общества за последние 15 лет.

В последних двух главах (10 и 11-й) рассматриваются вопросы современного развития советского общества по пути совершенствования, ускорения, перестройки, а также актуальные задачи максимального использования решающих преимуществ социализма. Наибольший интерес вызывает социально-философское осмысление места